

Рисунок А. С. Пушкина, из рукописи Румянцевскаго Музея.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

I.

„ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?“...

(О ДАТѢ И ПОСВЯЩЕНИИ ПЬЕСЫ).

Впервые пьеса появилась, подъ заглавiемъ „Въ альбомѣ“ и безъ даты, въ „Литературной Газетѣ“ 6-го апрѣля 1830 г., № 20, стр. 158, а затѣмъ была перепечатана въ сборникѣ стиховъ „Венера“, М., 1831 г., стр. 86—87, и вошла въ III-ью часть „Стихотворенiй Александра Пушкина“, изд. 1832 г., стр. 39—40, гдѣ помѣщена среди стихотворенiй 1829 г., третьей отъ конца, безъ заглавiя, перенесеннаго въ оглавление книги. Слѣдуя пушкинской датировкѣ, всѣ издатели печатали пьесу подъ 1829 годомъ, но П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданiи ¹⁾ помѣтилъ ее „1823 г., Одесса“ и снабдилъ подзаголовкомъ: „Графъ Собаньской“, объясняя это такъ ²⁾: „старинный знакомецъ Пушкина М. А. Максимовичъ въ „Письмахъ о Кiевѣ и Тавридѣ“ (Спб., 1871 г.) сообщилъ, что въ 1836 г. онъ посѣтилъ близъ Ялты кн. Анну Сергѣевну Голицыну, писательницу, рожденную Всеволоджскую, бывшую за кн. Иваномъ Александровичемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. „Подъ ея защиту являлась въ это время (май 1836 г.) изъ Одессы

¹⁾ Суворина, т. I, 1903 г., стр. 484.

²⁾ То же изданiе, т. VIII, 1905 г., стр. 192—193.

покинутая и обманутая гр. Виттомъ, для него покинувшая своего мужа графиня Собаньская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда писанные ей Пушкинымъ: „Что въ имени тебѣ моемъ...“ Гр. Собаньскій (?) жилъ въ 1823 г. въ Одессѣ и, по неправильному указанію Зеленецаго, оказывался даже соперникомъ Пушкина у г-жи Ризничъ“.

Каролина Адамовна Собаньская, рожд. графиня Ржевуская (род. около 1794 г., умерла 17-го іюля 1885 г.), умница и красавица, воспѣтая Мицкевичемъ, который называлъ ее дантовскимъ именемъ (изъ „Vita Nuova“): „Doppa Giovanna“, превосходная пианистка, много лѣтъ блистала въ одесскомъ большомъ свѣтѣ временъ Воронцовыхъ и провела бурную и романтическую жизнь. Разведшись съ Собаньскимъ, она была замужемъ за графомъ И. О. Виттомъ, потомъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, за Х. Чирковичемъ; потомъ, уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, вышла за французскаго поэта Ж. Лакруа¹⁾.

Стихотвореніе, о которомъ упоминаетъ Максимовичъ, видѣлъ также извѣстный польскій историческій писатель Крашевскій. Вотъ что записано въ его путевомъ дневникѣ²⁾ подъ 17-мъ августа 1843 г.: „разсматривалъ у госпожи Хирковичъ (sic), рожденной гр. Ржевуской, любопытное собраніе автографовъ; цѣлыя письма Шатобріана, Питта, Веллингтона Лафатера, Дельфины Гей, г-жи Сталь, Пушкина, Мицкевича, Фелинскаго, г-жи Крюднеръ и т. д. Стихотвореніе Пушкина нарочито (umysłnie) написано“.

Изъ всего, что извѣстно объ одесской жизни Пушкина, 1823—1824 г.г., никакъ нельзя заключить, что стихотвореніе было написано именно тогда; неизвѣстно даже, былъ ли Пушкинъ тогда лично знакомъ съ Собаньской, и ефремовскую датировку нельзя не признать произвольной. Стараясь примирить ее съ пушкинской датировкой, Модзалевскій³⁾ рѣшилъ: „что касается 1829 г., выставленнаго Пушкинымъ въ изданіи 1832 года, то эта дата можетъ означать время окончательной (?) отдѣлки стихотворенія, первоначальной (?) редакціи которой, въ альбомѣ Собаньской, мы не знаемъ“. Однако, въ такомъ ничѣмъ не оправдываемомъ предположеніи о двухъ редакціяхъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ единственнымъ поводомъ къ нему послужила произвольная датировка Ефремова. Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ не разъ встрѣчался съ Собаньской въ концѣ двадцатыхъ годовъ и бывалъ у нея въ 1828 г. вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, одно время безумно влюбленнымъ въ нее⁴⁾. Такимъ образомъ пушкинская дата остается непоколебленной⁵⁾.

Въ обоихъ первыхъ своихъ изданіяхъ П. А. Ефремовъ⁶⁾ безъ всякихъ основаній предположилъ, что разсматриваемая пьеса относится къ А. А. Олениной; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ⁷⁾ и П. Усти-

¹⁾ Свѣдѣнія о ней собраны Б. Л. Модзалевскимъ въ „Архивѣ Раевскихъ“, т. II, стр. 311—314.

²⁾ „Wspomnienia Odessy“..., т. III, Вильно, 1846 г., стр. 229—230; приводимъ эти строки въ переводѣ съ польскаго.

³⁾ „Арх. Раевскихъ“, II, стр. 313—314.

⁴⁾ „Русск. Арх.“ 1872 г., ст. 1906—1907.

⁵⁾ См. „Историч. Вѣстникъ“ 1905 г., июнь, 957; „Труды и дни Пушкина“, изд. 2-ое, стр. 184.

⁶⁾ 1880 г., т. II, стр. 427; 1882 г., т. II, стр. 412.

⁷⁾ Литерат. фонда, II, 63; „Просвѣщенія“, II, 458 (съ невѣрною ссылкой на Анненкова).

мовичъ въ статьѣ объ Олениной¹⁾ уже категорически связали ее съ именемъ Олениной. Не въ томъ дѣло, что, какъ находить г. Модзалевскій²⁾, сравненіе имени поэта „съ узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ“ было бы неумѣстно, если бы Пушкинъ обращался къ А. А. Олениной, русской; это сравненіе, само по себѣ, могло бы быть толкуемо и иначе: поэтъ говоритъ, что имя его будетъ такъ забыто, станетъ такимъ чуждымъ, что альбомный листокъ, гдѣ оно записано, не вызоветъ никакихъ воспоминаній, — и проситъ сохранить память о немъ не на бумагѣ, а въ сердцѣ. Не вдаваясь ни въ какія излишнія, въ данномъ случаѣ, толкованія и предположенія, слѣдуетъ просто принять во вниманіе согласныя показанія Крашевскаго и Максимовича. Пьеса посвящена Каролинѣ Собаньской. Къ этой увлекающейся, бурной натурѣ въ самомъ дѣлѣ такъ подходит намекъ на „волненья новыя и мятежныя“. Великій поэтъ благоговѣлъ передъ кротостью и цѣломудріемъ мадонны, но милы ему были и причудливые пути „беззаконной кометы въ кругу расчисленномъ свѣтилѣ“.

Иной вопросъ, — какъ судить по этому альбомному посвященію о личныхъ отношеніяхъ поэта къ Собаньской. Имя его, сказалъ онъ, не могло дать ея душѣ „воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ“, но изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что въ ихъ отношеніяхъ было что-нибудь „нечистое“ и тяжелое, о чемъ ей грустно было бы вспоминать.

Трогательная задумчивость и печальный тонъ пьесы не позволяютъ счесть ее обычнымъ мадригаломъ красавицѣ, а объ увлеченіи Пушкина, хотя бы мимолетномъ, Каролиной Собаньской нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Не любовь сказала въ этомъ стихотвореніи, а, вѣрнѣе, простое „человѣческое“ сочувствіе, нѣжный отголосокъ котораго примирительнымъ аккордомъ завершаетъ печальное дружеское признаніе.

II.

СТИХИ О ГРЕЦИИ.

(Текстъ и хронологія).

Вотъ въ какой редакціи печатается во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина стихотвореніе „Возстань, о Греція“...

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Фермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

¹⁾ „А. А. Андрю, рожденная Оленина“ — „Русск. Стар.“ 1890 г., авг., стр. 393.
²⁾ I. с.

Страна героев и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги
 При пѣньи пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги.

Такъ напечатана пьеса Анненковымъ ¹⁾, замѣнившимъ точками, по цензурнымъ условіямъ, слово „Святые“ въ седьмомъ стихѣ, восстановленное въ изданіи Г. Н. Геннади ²⁾. Во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ, второмъ Геннади ³⁾, трехъ Ефремова ⁴⁾, двухъ Морозова ⁵⁾, вплоть до венгероваго ⁶⁾, помѣщенъ этотъ текстъ, для котораго анненковская редакція служила неопровергаемымъ первоисточникомъ.

Однако есть серьезныя основанія сомнѣваться въ авторитетности анненковскаго текста. Изъ нихъ ближайшимъ является показаніе самого Анненкова, озаглавившаго пьесу:—„Планъ стихотворенія въ честь Греціи“. Слово „Планъ“ ясно указываетъ, что Анненковъ пользовался не отдѣланнымъ оригиналомъ, а работой болѣе или менѣе далеко отстоящей отъ завершения. На это же указываетъ и странное содержаніе второго четверостишія. Въ 7-мъ и 8-мъ стихѣ должно усматривать либо приложеніе къ подлежащему „свобода древняя“, что, конечно, недопустимо, либо самостоятельное предложеніе съ подразумеваемымъ сказуемымъ „возникли“, что столь же мало вѣроятно, такъ какъ трудно приписать Пушкину мысль о восстановленіи „гробовъ Тезея и Перикла“. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина ⁷⁾, кажется, обратилъ вниманіе на это обстоятельство, когда писалъ: „листокъ отъ Анненкова перешелъ къ г. Шляпкину, но, повидимому, не тотъ, по которому печаталъ Анненковъ“.

Но вотъ вопросъ: былъ ли у Анненкова тотъ „листокъ“, существованіемъ котораго Ефремовъ пытался оправдать анненковскую редакцію? Автографъ пьесы, дѣйствительно принадлежавшій Анненкову, дошелъ до насъ. Онъ описанъ И. А. Шляпкинымъ ⁸⁾. Приводимъ это описаніе со всѣми замѣчаніями г. Шляпкина, позволяя себѣ лишь замѣну цифръ, которыми нумерованы у него сноски, буквами (чтобы не смѣшивать примѣчаній г. Шляпкина съ нашими):

Возстань, о Греція, возстань —
 Недаромъ а) напруг(аешь) силы,
 Не даромъ потрясаетъ брань
 Олимпъ б), и Пиндъ, и Фермопилы.
 Страна в) героев и боговъ
 Разсторгла г) рабскія вериги
 При пѣньи д) пламенныхъ е) стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги
 Подъ сѣнью ветхой ж) ихъ вершинъ
 Свобода юная з) возникла. —
 Тезея гробъ и гробъ и) Перикла
 Средь и) мраморныхъ Аевинъ

¹⁾ Въ VII, дополнит. томѣ его изданія соч. Пушкина, стр. 87—88.

²⁾ 1859 г., I, 28.

³⁾ 1870 г., I, 269—270.

⁴⁾ Т. I, 1880 г., стр. 444—445; 1882 г., стр. 411; 1903 г., стр. 492.

⁵⁾ Т. I, литерат. фонда, стр. 298; „Просвѣщ.“, стр. 343—344.

⁶⁾ II, 179.

⁷⁾ VIII, 196.

⁸⁾ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПб., 1903, стр. 18—19.

а) Было: Твой неб(осклонъ) не даромъ; б) было: Парнасть
 в) было: О люб...; г) было: освободилась; д) оба слова написаны
 сверху, раньше было: Объ насть...; е) sic; ж) было: снѣжной;
 з) было: древняя; и) въ оригиналѣ эти четыре слова зачерк-
 нуты, и написано: (на) гробахъ; н) слово средь зачеркнуто,
 какъ и выше слово на; вообще конецъ не дописанъ.

По сообщенію г. Шляпкина, стихотвореніе написано на четвертой
 страничкѣ оборваннаго и сложеннаго полулиста бумаги 1830 г. Аннен-
 ковъ, примѣру котораго слѣпо послѣдовали всѣ другіе издатели, дати-
 ровалъ пьесу 1823 годомъ. Обративъ вниманіе на разногласія рукопис-
 наго и печатнаго текстовъ и на несоотвѣтствіе анненковской датировки
 клейму бумаги, на которой находится автографъ, г. Шляпкинъ выска-
 залъ „три предположенія: а) или что прежніе издатели, начиная съ Ан-
 ненкова, невѣрно прочли 10-й стихъ: „Расторгни“... вмѣсто „Расторгла“...
 и тогда оба отрывка, напечатанное стихотвореніе и наша редакція, пред-
 ставляющая его черновую, относятся къ 1829 г. ¹⁾, когда Греція полу-
 чила благодаря Адрианопольскому миру положеніе свободнаго государ-
 ства, а съ другой стороны въ ней начались новыя междоусобія; или
 б) что Пушкинъ въ 1829 году снова возвратился къ старому, тогда еще
 ненапечатанному стихотворенію и задумалъ передѣлать его на новую
 тему — это предположеніе ²⁾ мало вѣроятно въ виду того, что наше
 стихотвореніе несомнѣнно представляетъ черновую ³⁾,
 или, наконецъ, с) что Анненковъ по своему опредѣлилъ дату, прочелъ и
 напечаталъ наше стихотвореніе“.

Подлинникъ, находящійся нынѣ у г. Шляпкина, былъ въ рукахъ
 Анненкова; и по описанію, и по прямому свидѣтельству г. Шляпкина это —
 черновики. Переданная Анненковымъ „бѣловая“ пьеса озаглавлена:
 „Планъ стихотворенія“, изъ чего слѣдуетъ, что Анненковъ пользовался
 не перебѣленнымъ авторскимъ текстомъ, и что не Пушкину, а Анненкову
 принадлежитъ „чистота отдѣлки“, сквозь которую слишкомъ явно про-
 свѣчиваютъ нелѣпо привязанные къ шестому стиху „святые мраморы“
 и „гроба“. Послѣднимъ обстоятельствомъ особенно подкрѣпляется наше
 убѣжденіе, что у Анненкова двухъ черновыхъ редакцій не было, а была
 только одна, описанная г. Шляпкинымъ черновая, которую Анненковъ
 передѣлалъ начисто, переставивъ строфы, извративъ иныя слова, но изъ
 нѣкоторой осторожности предупредивъ читателя, что это не вполне от-
 дѣланная авторомъ пьеса, а только „планъ“. За Анненковымъ во вре-
 мена котораго, впрочемъ, надо замѣтить, еще далеко не были выработаны
 правильные научные приемы, числится много погрѣшностей подобнаго
 рода.

Отбрасывая второе предположеніе г. Шляпкина, которое онъ самъ
 признаетъ „мало вѣроятнымъ“ и даже не пытается отстаивать, оста-
 новлюсь на двухъ остальныхъ. Въ первомъ г. Шляпкинъ старается
 объяснить, почему издатели (хотя отъ Анненкова до г. Шляпкина ни
 одинъ издатель не задавался провѣркой анненковскаго текста и не обра-

¹⁾ Хотя на бумагѣ клеймо 1830 г., но она могла поступить въ продажу и нѣ-
 сколько ранѣе этого времени.

²⁾ Къ нему присоединился П. А. Ефремовъ (*ibid.*) чтобы оправдать рутинную
 датировку пьесы 1823 годомъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

шался къ первоисточникамъ) датировали пьесу 1823 г., и объясняютъ это ошибочнымъ чтеніемъ „Расторгни“ вмѣсто „Расторгла“: первое можно было сказать только о странѣ еще не освобожденной, т. е. задолго до 1829 г., когда Греція получила свободу; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Шляпкинъ склоненъ признавать анненковскую редакцію авторитетной, а свой подлинникъ считать ея черновикомъ. Но мы уже видѣли, что у Анненкова, который самъ назвалъ свою редакцію „планомъ“, никакого бѣловика не могло быть, и потому перейдемъ къ послѣднему предположенію г. Шляпкина: — „что Анненковъ по-своему опредѣлилъ дату, прочелъ ее и напечаталъ стихотвореніе“ по тому самому автографу, который г. Шляпкинымъ описанъ. Къ этому предположенію я присоединяюсь всецѣло.

Анненковъ не только небрежно прочиталъ текстъ и самовластно распорядился съ нимъ, но, не обративъ вниманія на клеймо бумаги, датировалъ пьесу 1823-мъ годомъ предположительно, отнеся ее къ „эпохѣ пребыванія Пушкина на Югѣ, когда глаза всего края были обращены на происшествія въ Греціи“¹⁾. Я уже указывалъ²⁾ на невозможность датирования ея 1823-мъ годомъ, такъ какъ къ концу пребыванія на югѣ отношеніе Пушкина къ эллинскому движенію, прежде восторженное, смѣнилось холоднымъ желаніемъ блага „пакостному народу, состоящему изъ разбойниковъ и лавочниковъ“ и не имѣющему ничего общаго съ „Ѳемистокломъ и Перикломъ“; но пьеса мнѣ казалась написанною на югѣ, и, объясняя восклицаніе: „Возстань“ какъ прямой призывъ возстать, я отнесъ ее къ 1821 г., такъ какъ и по настроенію, и по мыслямъ она вполне гармонируетъ съ отношеніемъ Пушкина къ греческому возстанію въ 1821 году, когда онъ упоенно описывалъ „восторгъ умовъ“, „прекрасныя минуты надежды и свободы“³⁾. Отъ этого предположенія я теперь отказываюсь.

Что стихотвореніе написано не на югѣ, а гораздо позднѣе, это доказывается не только клеймомъ бумаги, но и тѣмъ, что на оборотѣ его Пушкинымъ записанъ другой набросокъ, создавшійся, уже внѣ всякаго сомнѣнія, по случаю Адрианопольскаго мира (2-го сентября 1829 г.); въ немъ прямо говорится: „Въ Эдырне миръ провозглашенъ“, и даже приводятся нѣкоторыя условія мира: „Россія... Югъ облегла... и пол-Евксина подняла“; онъ также описанъ г. Шляпкинымъ⁴⁾. „Возстань“ въ данномъ случаѣ употреблено въ смыслѣ: „воспрянь“, „возникни вновь“. Подъ впечатлѣніемъ Адрианопольскаго мира Пушкинъ написалъ также стихотвореніе „Олеговъ шить“, въ которомъ⁵⁾ высказалъ глубокое удовлетвореніе, доставленное ему такимъ финаломъ войны; въ стихахъ на лицейскую годовщину 1831 года Пушкинъ съ гордостью вспомнилъ о немъ: „воскресла грековъ древнихъ слава“... И. А. Шляпкинъ довольно основательно предположилъ,⁶⁾ что „Возстань, о Греція“... и записанный на оборотѣ набросокъ составляютъ одно цѣлое (осторожнѣе было бы

1) Сочинен. Пушкина, изд. Анненкова, VII, 88.

2) „Русск. Стар.“ 1908 г., мартъ, 661—662; Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 615—616; „Груды и дни Пушкина“, изд. 2-е, стр. 485—486.

3) См. нашу ст. „Письмо Пушкина о началѣ греческаго возстанія“ — „Русск. Стар.“ 1909 г., апрѣль, 199—206.

4) Тамъ же, стр. 16—17.

5) См. мои примѣчанія къ этому стихотворенію — Соч. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. XXXIV—XXXV.

6) Шляпкинъ, 17, 19.

сказать, — продиктованы однимъ и тѣмъ же ходомъ мысли). Поэтому стихотвореніе: „Возстань, о Греція, возстань“... слѣдуетъ датировать приблизительно сентябрёмъ — декабрёмъ 1829 года или началомъ 1830 г. и вносить въ собранія сочиненій Пушкина не въ анненковской редакціи, авторитетность которой не только ничѣмъ не оправдывается, но всѣми вышесказанными доводами совершенно уничтожается, а въ томъ видѣ, въ какомъ набросано оно самимъ поэтомъ. Шляпкинскую передачу, хотя и болѣе осторожную, по тѣмъ же принципиальнымъ соображеніямъ также нужно оставить въ сторонѣ и обратиться, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, къ автографу. Этотъ рациональный пріемъ избавитъ собраніе произведеній Пушкина отъ лишняго, плохо скомпонованнаго и въ значительной степени не-пушкинскаго стихотворенія.

III.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПУШКИНА.

1.

Пушкинъ или Гоголь?

Посылая Н. М. Языкову первый томъ „Современника“, Пушкинъ писалъ ему (14 Апрѣля 1836 года): „изъ статей критическихъ моя одна — о Конискомъ“. Но „Разборомъ сочиненій Георгія Конискаго“ (такъ названа статья въ оглавленіи книги), а также большой статьёй Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“, не исчерпывается весь отдѣлъ критики въ первомъ томѣ. Ей посвященъ еще особый отдѣлъ: „Новыя книги“, состоящій изъ рецензій на послѣднія русскія книжныя новости; среди нихъ Пушкинъ помѣстилъ рецензію на гоголевскіе „Вечера на хуторѣ“ и замѣтку объ извѣстномъ переводѣ „Востолы“ Виланда, которую слѣдуетъ считать собственно не рецензіей, а личнымъ объясненіемъ публикѣ обстоятельствъ, благодаря которымъ на заглавную страницу „Востолы“ попало имя поэта, перенесшаго за свое доброе желаніе помочь бѣдняку-литератору довольно серьезную неприятность. Ни одна изъ рецензій въ „Новыхъ Книгахъ“ не подписана; не подписанъ и весь этотъ отдѣлъ. Большая часть ихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Гоголю, въ сочиненіяхъ котораго (пользуемся лучшимъ изданіемъ, 10-мъ) онѣ и помѣщены; въ собраніяхъ же сочиненій Пушкина, начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. I, стр. 414—416), помѣщаются упомянутыя строки о „Вечерахъ на хуторѣ“ и „Востолѣ“. Ни одинъ изъ изслѣдователей послѣ Анненкова не потрудился обратить свое вниманіе на отдѣлъ „Новыхъ книгъ“. Анненковъ вполне справедливо приписалъ Пушкину эти замѣтки, „несомнѣнно составленныя имъ“, хотя, не располагая точными данными, тутъ же отнесъ на счетъ Пушкина двѣ рецензіи изъ числа гоголевскихъ.

По подлинной рукописи Гоголя Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. 10-е, V, 522—529 и 661—671) установилъ точно, какія именно рецензіи въ первомъ томѣ „Современника“ принадлежатъ Гоголю. За вычетомъ изъ отдѣла „Новыхъ книгъ“ этихъ рецензій и двухъ пушкин-

скихъ, приходится рѣшить вопросъ объ одной маленькой библиографической замѣткѣ и о заключеніи, которымъ завершается отдѣлъ. Первой не заинтересовался никто; на второе обратили въ свое время вниманіе Кулишъ и Тихонравовъ.

Кулишъ („Записки о жизни Гоголя“, I, Спб., 1856, стр. 166) предположилъ, что „заключеніе обзора писано Гоголемъ“, но ничѣмъ своего предположенія не подтвердилъ. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, V, 661) уклонился отъ рѣшенія вопроса: „въ записныхъ книгахъ Гоголя этого заключенія нѣтъ, и мы не рѣшаемся ни утверждать, ни отрицать принадлежность его Гоголю“. Наша попытка рѣшить вопросъ привела насъ къ убѣжденію, что заключеніе написано не Гоголемъ, а Пушкинымъ. Приводимъ этотъ отрывокъ.

„Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ Словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область Литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ошутительно замѣтно преобладаніе Романа и Повѣсти, этихъ властелиновъ современной Литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу. Капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На Статистику и Экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ Литтературный, замѣтно тоже мелководіе“.

Соображенія, по которымъ мы приписываемъ это заключеніе Пушкину, слѣдующія: допустивъ участіе молодого Гоголя въ библиографическомъ отдѣлѣ „Современника“, которое, впрочемъ, пришлось скоро ограничить, Пушкинъ, хотѣвшій быть и бывший, какъ выразился Гоголь („О движеніи“... — „Соврем.“, I, 211), „сильной пружиной“ своего журнала, „виднымъ лицомъ“ въ немъ, едва ли бы позволилъ ему высказать столь рѣшительное и общее мнѣніе, налагающее серьезную отвѣтственность на журналъ. Намекаетъ на авторство Пушкина также выраженіе „журналъ нашъ“. Особенную же вѣроятность нашему убѣжденію придаетъ слѣдующее обстоятельство. Отдѣлъ „Новыхъ книгъ“ начался (стр. 296) обѣщаніемъ, что „книги, означенныя звѣздочкой, будутъ въ послѣдствіи разобраны“. Вскорѣ Пушкинъ объявилъ „отъ редакціи“ („Соврем.“, III, 331—332), что „въ списокѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литтературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не приобрѣлъ“. По сходству послѣднихъ словъ этого заявленія съ тѣми строками приведеннаго заключенія, гдѣ говорится о книгахъ, которыя „не принадлежатъ собственно къ Словесности“, можно съ значительной вѣроятностью предположить, что второе писано тою же рукою, что и первое, — рукою Пушкина.

„Исторія — говорится въ заключеніи — заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу“, въ которой не появляется „капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ“. Эта же мысль высказана въ вышеупомянутой краткой библиографической замѣткѣ, также не имѣющей въ гоголевскихъ рукописяхъ. Приводимъ и ее („Соврем.“, I, 302).

„Исторія среднихъ вѣковъ, составленная Берлинскимъ Профессоромъ Циммерманомъ. С.-П.-бургъ. 1836.

Непонятно, отъ чего у насъ Переводчики изъ множества оригинальныхъ сочиненій выбираютъ именно худшее. У насъ не переведены до сихъ поръ Гизо, Тіери, Гюльманъ и проч.“.

Авторъ этой маленькой замѣтки — либо Гоголь, какъ извѣстно, занимавшійся исторіей въ качествѣ специалиста, либо Пушкинъ, также интересовавшійся научно-исторической литературой. Если набросать ее Гоголь, то Пушкинъ въ заключеніи, конечно, воспользовался его наблюденіемъ. Если она принадлежитъ Пушкину, то въ заключеніи онъ повторилъ свое собственное наблюденіе. Во всякомъ случаѣ, замѣтка можетъ быть съ равнымъ правомъ приписываема какъ Гоголю, такъ и Пушкину.

2.

О двухъ замѣткахъ Пушкина.

Намъ извѣстны двѣ попытки отвергнуть принадлежность Пушкину одной рецензіи и одного редакціоннаго объявленія, помѣщенныхъ въ „Современникъ“, и намъ представляется нелишнимъ рассмотреть этотъ вопросъ, такъ какъ изслѣдователямъ и издателямъ произведеній Пушкина придется съ нимъ считаться.

Первая изъ нихъ касается напечатанной въ „Современникъ“, т. III, стр. 310 — 314, рецензіи на „Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Російской Церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ“, которая входитъ въ собранія сочиненій Пушкина начиная съ анненковскаго изданія (т. V, стр. 621 — 623, 636). И. А. Шляпкинъ („Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПб., 1903, стр. 242) находитъ, что эта рецензія, „которую обыкновенно приписываютъ Пушкину, и, кажется, безъ достаточныхъ основаній“, — „можетъ быть приписана“ М. П. Погодину. Самъ г. Шляпкинъ никакихъ основаній въ подкрѣпленіе своей догадки не приводитъ такъ же, какъ и Анненковъ, еще разъ указавшій, что эта рецензія принадлежитъ Пушкину (то же изданіе, I, 423), но, замѣтимъ, Анненковъ пользовался такими источниками свѣдѣній, которые для насъ уже не существуютъ или еще остаются недоступными, и къ сожалѣнію, онъ не всегда указывалъ ихъ. Сомнѣваться въ его показанія можно, но для этого мало одной безпочвенной догадки. Въ данномъ же случаѣ послѣдняя сугубо излишня, потому что за принадлежность рецензіи перу Пушкина ручается ея содержаніе, — и намеки на Н. Полевого (въ началѣ рецензіи), и высказанные въ ней нравственные взгляды, и похвала типографіи второго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи (этой типографіей, въ которой была отпечатана „Исторія Пугачевского бунта“, управлялъ лицейскій товарищъ Пушкина М. Л. Яковлевъ, и поэтъ, очевидно, хотѣлъ доставить пріятелю удовольствіе). Предметъ „Словаря“

живо интересовалъ Пушкина. Онъ однажды писалъ Плетневу, чтобы тотъ посовѣтовалъ Жуковскому, „если все еще его несетъ вдохновеніемъ — читать Четь-Минею, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ, прелесть простоты и вымысла!“ (Переписка Пушкина, академич. изд., II, 237). Жалоба Пушкина, который „дивится крайнему нелюбопытству“ людей, „не имѣющихъ никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно“, сходится съ другими его жалобами, — что „мы лѣнны и нелюбопытны“ („Путешествіе въ Арзерумъ“, гл. II), что „прошедшее для насъ не существуетъ“ („Отрывки изъ романа въ письмахъ“).

Анненковъ же въ своемъ изданіи (I, 419 — 420; V, 635) приписалъ Пушкину помѣщенное во II томѣ „Современника“ (стр. 311 — 312) объявленіе „Отъ редакціи“ о парижской „Хроникѣ Русскаго“ А. И. Тургенева. Повидимому, Анненковъ нѣсколько колебался въ этомъ опредѣленіи; онъ писалъ, что объявленіе „вѣроятно“ принадлежитъ Пушкину; „последнія слова этого объявленія, имѣющія совершенно характеръ Пушкинскій“, онъ выписалъ въ I томѣ („Матеріалы для біографіи“); эти „последнія слова“, впрочемъ, занимаютъ болѣе половины „объявленія“. Однако, Н. И. Тургеневъ въ предисловіи къ „Письмамъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лпц., 1872, стр. V, VI, приписываетъ объявленіе князю П. А. Вяземскому („издатель (?) журнала, князь Вяземскій, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе“...) Читая неизмѣнно богатыя содержаніемъ заграничныя письма бойкаго на перо и общительнаго А. И. Тургенева, его друзья говорили, какъ писалъ ему однажды Вяземскій: „жаль, что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ, сочный бульонъ изъ животрепещущей утробы настоящаго“ („Ост. Арх.“ III, 281). Скоро Пушкинъ затѣялъ „Современникъ“, и Вяземскій писалъ Тургеневу: „Пушкинъ надѣется на тебя“ (ib., 287), но послѣ появленія въ первомъ томѣ журнала писемъ Тургенева послѣдній сталъ жаловаться, что опубликованіе ихъ причинило ему „большія непріятности въ Парижѣ“, и потребовалъ прекращенія хроники (ib., 318 — 319). Вяземскій успокаивалъ его: „во второй книжкѣ „Современника“ есть оправданіе тебѣ отъ редакціи“ (ib., 321 — 322). Прочитавъ его, Тургеневъ повеселѣлъ и благодарилъ друзей (ib., 323 — 324), и въ IV томѣ „Современника“ появилось продолженіе хроники. Такъ какъ переговоры А. Тургенева съ Пушкинымъ велись черезъ Вяземскаго, то онъ и могъ приписать замѣтку „Отъ редакціи“, въ которой послѣдняя оправдывала Тургенева, принимая на себя грѣхъ нескромности въ пользованіи его письмами, — Вяземскому, а отъ А. Тургенева могъ позаимствоваться этимъ свѣдѣніемъ Н. Тургеневъ. Но блескъ и изящество слога (не говоря уже о прямыхъ указаніяхъ: „мы желали по обязанности редакторской“ и т. под.) слишкомъ ясно обличаютъ пушкинскую руку, и объявленіе о „Хроникѣ“, такъ же, какъ рецензія на „Словарь о Святыхъ“, не должно быть исключено изъ числа журнальныхъ работъ Пушкина.

IV.

Вопросъ объ окончаніи „Братьевъ Разбойниковъ“.

Въ напечатанныхъ при жизни Пушкина изданіяхъ поэмы не было тѣхъ шестнадцати стиховъ, которыми оканчивается она въ посмертномъ

издании (1838 г. т. II, стр. 202) отъ: „Умолкъ и буйной головою“... до: „Она проснется въ черный день“. Редакторы всѣхъ послѣдующихъ болѣе или менѣе критическихъ изданій, Анненковъ, Геннади, Ефремовъ, Поливановъ, Морозовъ, печатали поэму съ этими заключительными стихами. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворинъ т. VIII, 1905 г. стр. 391) замѣтилъ, что отсутствіе въ прижизненныхъ изданіяхъ этихъ стиховъ, „впервые появившихся въ посмертномъ изданіи по неизвѣстной рукописи, однако не даетъ никакихъ основаній считать ихъ не Пушкинскими“. Во второмъ изданіи П. О. Морозова помѣстившаго ихъ ранѣе въ своемъ первомъ изданіи (Литер. Фонда, II, 308), мы ихъ, однако, не находимъ. „Они, говоритъ Г. Морозовъ (изд. „Просвѣщенія“, III, 153), неизвѣстны въ рукописяхъ и явились только въ посмертномъ изданіи, — быть можетъ по недошедшей до насъ рукописи самаго Пушкина, а можетъ быть прибавлены и Жуковскимъ, которому, какъ извѣстно, принадлежить довольно много измѣненій посмертнаго пушкинскаго текста. Мы печатаемъ поэму въ томъ видѣ, какъ она была напечатана при жизни Пушкина, а заключительные 16 стиховъ даемъ въ примѣчаніяхъ“. (См. *ibid.* стр. 622—623).

Между тѣмъ для сомнѣнія въ авторѣ нѣтъ мѣста, и Жуковскій тутъ не при чемъ. Есть прямое указаніе участвовавшаго въ редакціи посмертнаго изданія сочиненій Пушкина, его близкаго друга П. А. Плетнева (Современникъ т. X, 1838 г. Матеріалы біографій русскихъ писателей: А. С. Пушкинъ, стр. 39) на подлинную рукопись Пушкина въ которой находились заключительныя строки поэмы: „прибавленіе къ поэмѣ, найденное въ бумагахъ автора помѣшено въ новомъ его полномъ изданіи на концѣ поэмы“. На цитированныя слова Плетнева ссылается и Л. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, изд. 2-е, стр. 84). Найденныя въ бумагахъ Пушкина стихи были присланы Плетневымъ въ сентябрѣ 1837 г. на разсмотрѣніе петербургскаго цензурнаго комитета, который поручилъ цензору А. В. Никитенкѣ разсмотрѣть ихъ (см. „Изв. Имп. Ак. Наукъ“ 1911, стр. 518). Къ какому времени относится заключеніе поэмы сказать невозможно за отсутствіемъ рукописи и какихъ бы то ни было другихъ данныхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду что самъ Пушкинъ смотрѣлъ на „Братьевъ Разбойниковъ“ не какъ на вполне законченное произведеніе (часть его онъ сжегъ, первоначальный замыселъ былъ гораздо шире), а какъ на отрывокъ изъ поэмы (такъ гласитъ ихъ подзаголовокъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., гдѣ они появились впервые). Мнѣ кажется что „моральное“ окончаніе произведенія не въ духѣ Пушкина начала 20-хъ годовъ. Не было ли оно написано въ концѣ тридцатыхъ?

Въ связи съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой, — вправѣ ли была редакція посмертнаго изданія вводить эти 16 стиховъ въ текстъ? Пушкинъ въ послѣдній разъ напечаталъ свою поэму въ 1835 г. (Поэмы и Повѣсти, ч. 2-я). Если занимающіе насъ стихи были написаны ранѣе этого времени и не были внесены имъ въ „Поэмы и повѣсти“, это вѣроятно должно значить, что онъ ихъ сознательно отбросилъ. Если же они написаны послѣ выхода Поэмъ и Повѣстей, то конечно Плетневъ поступилъ правильно, присоединивъ ихъ къ поэмѣ. Можно допустить также, что Плетневъ, близкій къ Пушкину и помогавшій ему въ его издательской работѣ, пользовался даже точнымъ указаніемъ самаго Пуш-

кина. Если же подобнымъ мотивомъ Плетневъ не располагалъ, и если рукопись на которую онъ ссылается, принадлежала къ болѣе раннему времени, то едва ли онъ имѣлъ право присоединить къ печатному пушкинскому тексту найденное имъ окончаніе поэмы. И съ нимъ, и безъ него она производитъ вполне цѣльное впечатлѣніе. Эти шестнадцать стиховъ несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, но можно ли связывать ихъ съ поэмой въ одно цѣлое, — вотъ вопросъ, который при наличныхъ данныхъ мы отказываемся считать поддающимся опредѣленному рѣшенію.

Н. ЛЕРНЕРЪ.

Рисунокъ А. С. Пушкина, изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

№ 5. Сентябрь 1911 г.

РУССКІЙ БИБЛІОФІЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

для

СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.